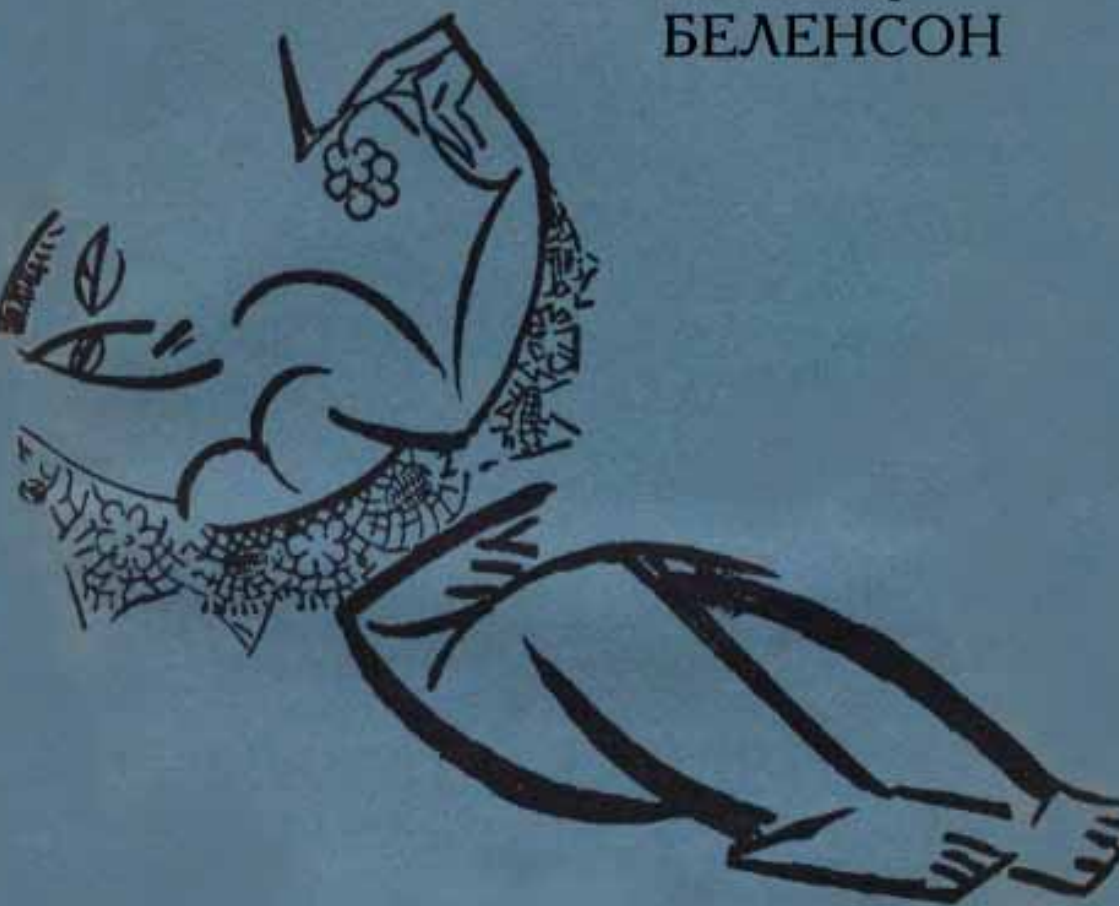

Александр
БЕЛЕНСОН

ЗАБАВНЫЕ СТИШКИ

Стихи и проза

Scriptorium

**Александр
Беленсон**

ЗАБАВНЫЕ СТИШКИ

Стихи и проза

Salamandra P.V.V.

Беленсон А. Э.

Забавные стишки: Стихи и проза. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 80 с., илл. – (Scriptorium).

В книге полностью воспроизведен первый сборник забытого поэта и деятеля русского авангарда А. Э. Беленсона «Забавные стишки» (1914). Издание включает также стихотворения разных лет и фантастический рассказ «Египетская предсказательница».

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2015

Автопортрет

Религиозный организм
и верующая ключица,
а дух презрителен и низмен,
а сердце яростно стучится.

Без убеждений, без отчизн —
обременительных котурн,
проект лица безукоризнен
и глаз осмысленно прищурен.

ЗАБАВНЫЕ СТИШКИ

Рисунки Н. И. Кульбина

(1914)

АЛЕКСАНДРЪ БЕЛЕНСОНЪ

ЗАБАВНЫЕ СТИШКИ

СПБ. 1914.

Посвящается

Фаине Александровне Глинской

*Мне предуказан забавный путь
Рукой обтянутой перчаткой.*

Грум

Так тяжело жить, не имея грума, —
Над этим я не задумывался ранее.
Куртку с галунами заказали б ему мы,
Как это делают лорды Великобритании!

Если мечта моя осуществится,
Очень скоро все переменится к лучшему:
Нас станут посещать только знатные лица
И скукою мы конечно меньше будем мучимы.

Таити

Со мной простись, моя Таис:
Готов корабль отплыть в Таити,
Где томно гнет к земле маис
Свои оранжевые нити.

Печальна ты? так не таись, —
Матросы без меня плывите:
Уста мне слаще, чем маис
Таис желанней, чем Таити!

Дуэль

Два фрака, два лица бесстрастных
Обычный отдают поклон.

Два дула равных и опасных,
Два секунданта с двух сторон

Два длинных шага отмеряют.
Два слова тщетны — примирить,
Два встречных выстрела решают
Кому из двух остаться жить?

Тонкую шпагу сгибая
Скажу вам: — Аглая,
Будьте моею!

Тонкие губы сжимая,
Вы шепнете: — не знаю, —
Смущенно бледнея.

Играя цепью лорнета,
Признаюсь: — Нинетта,
Я — раб навеки!

Играя сердцем поэта,
Мне не давши ответа,
Вы сомкнете веки.

Бархатный камзол я скину
Для вас, Катарина,
Страстью волнуем.

Бархатную грудь и спину
Отдадите невинно
Моим поцелуям.

Испанские стишки

Стройную, чья грудь темнее бронзы,
Чьи уста нежнее глаз газели,
Донну Розу любит дон Алонзо, —
Роза любит дона Мигуэля.

Он — Эльвиру, что за блеск дуката
Для сеньоров пляшет неустанно,
Рот прекрасной сладостней граната,
Но... в Алонзо влюблена гитана.

М. А. Кузмину

Люблю носить камзол атласный, шпагу,
Парик напудренный и бархатный жилет,
Пить старую мадеру иль малагу
И сочинять нескромный триолет.

— Читать, скучая, манускрипт арабский,
Пока появится, звеня браслетом, друг
И предаваться безрассудной ласке
Изнеженных продолговатых рук...

Имена

Всех бесстыдниц вы блудливей,
О, Агнесса,
Всех возлюбленных счастливей
Ваш, — повеса.

Всех прелестниц вы прелестней,
Виолетта,
Всех чудес ваш смех чудесней
Для поэта.

Всех красавиц вы прекрасней,
О, Елена,
Всех мужей ваш муж несчастней,
Несомненно.

Всех жеманниц вы жеманней,
Габриэла,
Всех желаний мне желанней
Ваше тело.

Гватемала

Владельческим принцем Гватемалы
Стать могу ради вас, это легко мне,
Но ведь вам Гватемалы пожалуй мало,
А страны другой подходящей я не помню!

Эфиопка

Что может быть новей, прелестней и проще
Непонятных признаний, сказанных так робко, —
Любовных свиданий в оливковой роще
С черною безусловно, юной эфиопкой!

Как это наивно, забавно и мило,
Что она ничуть не похожа на лоретку
И не смущается пасти крокодила,
Разинутой убедительно и метко!

Гваделупа

Кто любит, не закован в латы,
Но сердце тот открыть готов:
Я точным взором адвоката
Сказать сумею все без слов.

Вы на любезности не скупы
И снисходительны к гостям,
Но как туземец Гваделупы
Я безразличен буду вам.

Оранжевый локон

Тот прав, любовью кто влеком
И лучше нежности нет свата,
Свои признанья виновато
Я повторял, глотая ром

Мне улыбнулась раз, не два ты,
Но первый я шепнул: «пойдем»,
И, недопив нелепый ром,
Мы вдруг оставили Privato.

Актриса

Явлюсь с обещанным визитом
К тебе в hôtel часам к пяти
— Пить кофе с английским бисквитом
И вздор насмешливый плести...

Уеду ласковый и старый
В надежде той, что ты верна,
И полной даме в душном баре
Лениво закажу вина.

Дирижабль Нана

Ко мне заехала на час ты,
Ждал дирижабль у окна.
Твои уста нежнее пасты
О, атмосферная Нана!

Они мои совсем не часто,
Любовь случайная хитра:
Ко мне заехала на час ты,
Ждал дирижабль до утра...

Лизетта

Наклонясь над личиком овальным,
Спрашивает граф с лицом печальным,
Шпагою играя: «любишь ли, Лизетта»?

Наклонясь над вышивкой по тюлю,
Отвечает, побледнев: «люблю ли?
Я совсем еще не думала об этом».

Долго пальцы тонкие целуя,
Шепчет граф: «но без ума люблю я,
Не пытай меня холодностью, Лизетта»!

Долго разбирая клубок нитей,
Говорит прелестница: «идите,
И вернитесь завтра за моим ответом».

Обнимая ноги милой страстно,
Молит граф: «любовь моя опасна,
Ждать не стану я, жестокая Лизетта»!

Обнимая нежными руками,
Шепчет: «за меня ответьте ж сами»,
И стыдливо губы отдает при этом...

Уже не солдат

В девять часов не услышу сигнального рожка,
На поверку в шеренгу не стану вместе с другими,
Вздохнув, не подумаю: «хоть служба моя и легка,
Все ж лучше быть с той, чье мило по-прежнему имя»!

Приеду к вам, забуду скоро казарменный гул,
И часы, проведенные с винтовкой в карауле,
И стройную сестру, на которую нежно взглянул
В коридоре лазарета. На нее одну ли?!

Вечер

Темнеет небо, розовея,
Влажнеют губы и вуаль,
Мой нежный взор следит за нею,
За парусом, плывущим вдаль.

Свежей, но матовее кожа
И шепот стынет: мы молчим,
Ее лицо как будто строже,
Лицо, которым я томим.

Скучают бледные магнолии,
Как дамы в углубленьях лож...
Что ночь несет, не все равно ли:
И вечер наш на ночь похож!

У фонтана

Два силуэта близятся к фонтану,
То — встречи тайной миг: Анри и Жанна
Поклон воздушный отдают жеманно.

Подруги нежной кринолин так пышен,
Ей друг дарит пригоршни сладких вишен,
Их шепот тихий никому не слышен.

Вот наклонились оба над бассейном,
В восторге трепетно-благоговейном
Любуется Анри лицом лилейным.

И серебрит луна камзол атласный,
Улыбки Жанны отраженно-ясны:
Свиданья в парке ночью безопасны.

Бегут часы без отдыха и цели,
От влажности уста похолодели,
Уже пастух играет на свирели.

День недалек, — «до завтра, здесь, в аллее»!
Влюбленные, смущаясь и бледнея,
Меняются цветками орхидеи.

Прощание

О, друг, которого ни разу я не встретил,
Подруга верная, которой изменил!..
О, ранний шепот поседевших ветел
В саду, где я вздыхал, скучал, любил!

Так близко был ты, друг, но знака не приметил,
Ты, что обманута, зачем тебе я мил?
И для чего час утренний так светел:
К забвенью лишь я нежность сохранил!

Я сижу за столом и равнодушно спорю,
Слишком сосредоточенно глядя на дорогу,
В моем ровном тоне и тщательном проборе
Пренебрежения ко всем чрезмерно много.

Потом, наконец, дождусь, мы уйдем, — в аллее
Я прочту свои новые стихи очень ровно,
Вы будете вслушиваться, слегка бледнея,
И конечно вам все понравится безусловно.

Улан

1.

В этой комнате с голубым светом
Вчера сидел улан со шпорами, —
Ушел ли он влюбленным и согретым
Вашими нежными как часто взорами?

Пленил ли он вас высокой каской
Или шнурами необычными,
Подарили ли вы хоть одну ласку
Своими руками, мне так привычными?

Ах, я совсем ничего не знаю
И обречен часам томительным...
Что делали вы, изменница злая,
Наедине с уланом обольстительным?

2.

Встречайтесь чаще с молодым уланом:
Вас нежным звоном шпор утешит он наверно,
Своим влюбленным взором искренним и странным
Напомнит мой — насмешливый, но верный.

Стихом своим по-детски торопливым
Напомнит мой — всегда размеренный и ясный,
А вы лицом таким внимательным и лживым
Ему не скажете, что безучастны.

Быть может вам признанья не наскучат
И даже станет девственность его желанна,
Но ваша страсть ко мне, что до сих пор вас мучит,
От сладкого греха спасет... улана.

На вокзале

Томительность минут прервет звонок третий,
Вдруг странным покажется ваш профиль тонкий.
Уйдет поезд, как все уходит на свете,
А я останусь и не брошусь вдогонку...

Спешит неверным шагом к пристани,
Где отдыхают корабли,
И смотрит с каждым часом пристальней,
Не видно ль мачты там, вдали?

Не замечает нежных юношей,
Пришедших стройною гурьбой,
И дамы в палевом, засунувшей
Фиалки за корсаж тугой.

Его не тешит тело гибкое,
Воздушное как бег трирем,
И не ответит он улыбкою,
Подав надежду сразу всем.

Кого он ждет, не друга ль милого,
Ему приславшего поклон?
Да только верно друг забыл его,
Красоткой ветреной пленен.

И тщетно ждет, мечтой отравленный,
С своей печалью говоря:
Корабль, вестник шумных гаваней,
Уж где-то бросил якоря...

Ф. А. Глинской

Признания

Когда умрете, черным шелком
Украшу скорбно туалет,
Покорен буду праздным толкам:
«Красавица... лишь двадцать лет»...

Покрою слоем пудры щеки
И слоем мертвенным белил:
Пусть скажут все: «судьба жестока,
Как он умершую любил»!

С усталостью больной во взоре
В прощальный час склонюсь средь роз,
Но не забуду ни пробора,
Ни manicure, ни томных поз.

Придя к себе, стихи раскрою,
Их темной обведу каймой
И может быть вздохну с тоскою:
Ах, я писал для вас одной!..

Прогулка

Карета, запряженная четверкой
Лошадок стриженных, гладких,
Лакей почтительный и зоркий,
Легко стоящий на запятках.

Окрик неожиданно-веский,
Вызывающий улыбку: «правее»,
Глухо спущенные занавески.
Добродушный кучер в ливрее.

На дверцах две крошечные коронки
С уже потускневшей позолотой,
Чей-то профиль уступчиво-тонкий,
Чьи-то губы, ждущие чего-то...

Вот и дома, — подъезд со львами,
Стерегущими внушительно и кротко.
Клянусь, не скучно было с вами,
Слишком любезная ко мне красотка!

Исполнен церемонной грации,
С улыбкой важной богдыхана
Я декламировал Горация
Китаянке благоуханной.

Дремали мандарины строгие, —
Так видно принято в Пекине,
Любовный вздох при каждом слоге я
Лукаво добавлял к латыни.

Н. Н. Евреинову

Китаянка

В Китае, тая, гейша милая,
Вдыхая, пьет душистый чай.
Но поступлю конечно мило я:
В Китай приеду невзначай.

Лишь денег нет, — случайность странная,
Мою решимость не смущай.
Ах, если денег не достану я,
Как попаду в Китай, в Китай?!

Танго

(Забавная песенка)

Марго быстрее чем Конго,
Марго опасней Ганга,
Когда под звуки гонга
Танцует танец танго!

Иллюстрации

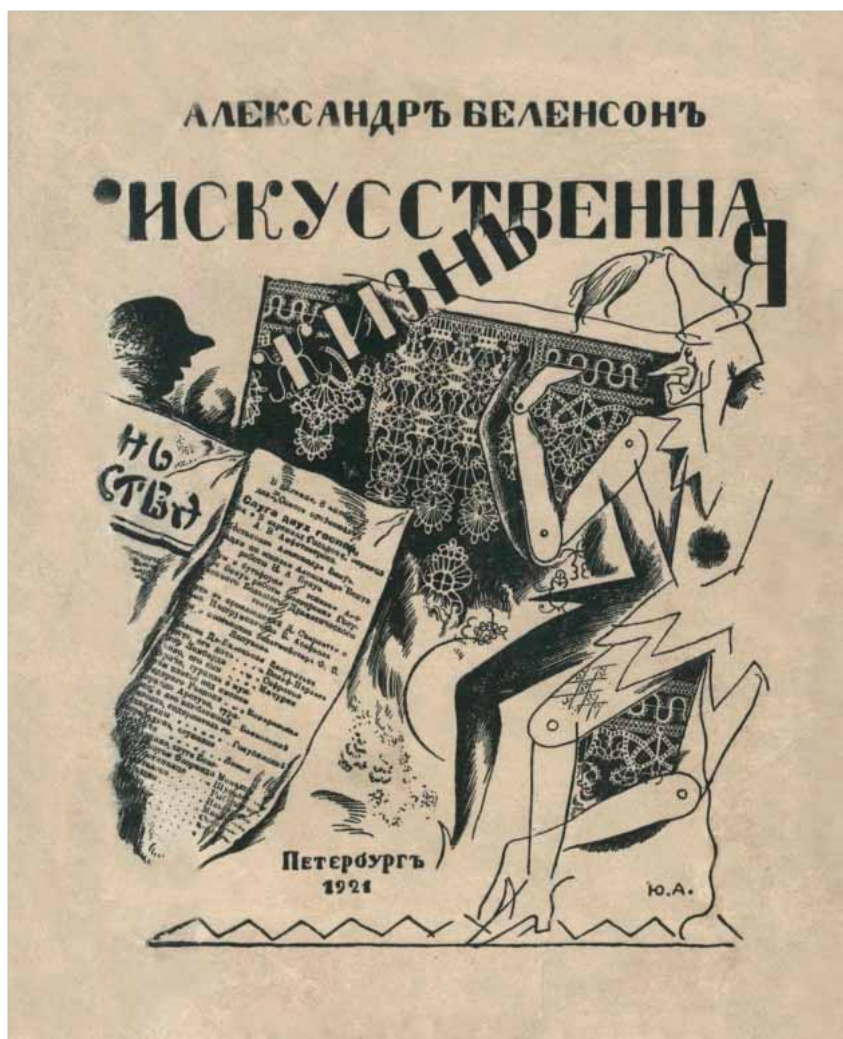
Милой Вери от
Кадьявине Мурас-
дурасеки от аяда,
поздравляю ее.

24-хІ-14

С. Кетсербург

ЗАБАВНЫЕ СТИШКИ

Дарственная надпись А. Беленсона на экземпляре книги
«Забавные стишки»

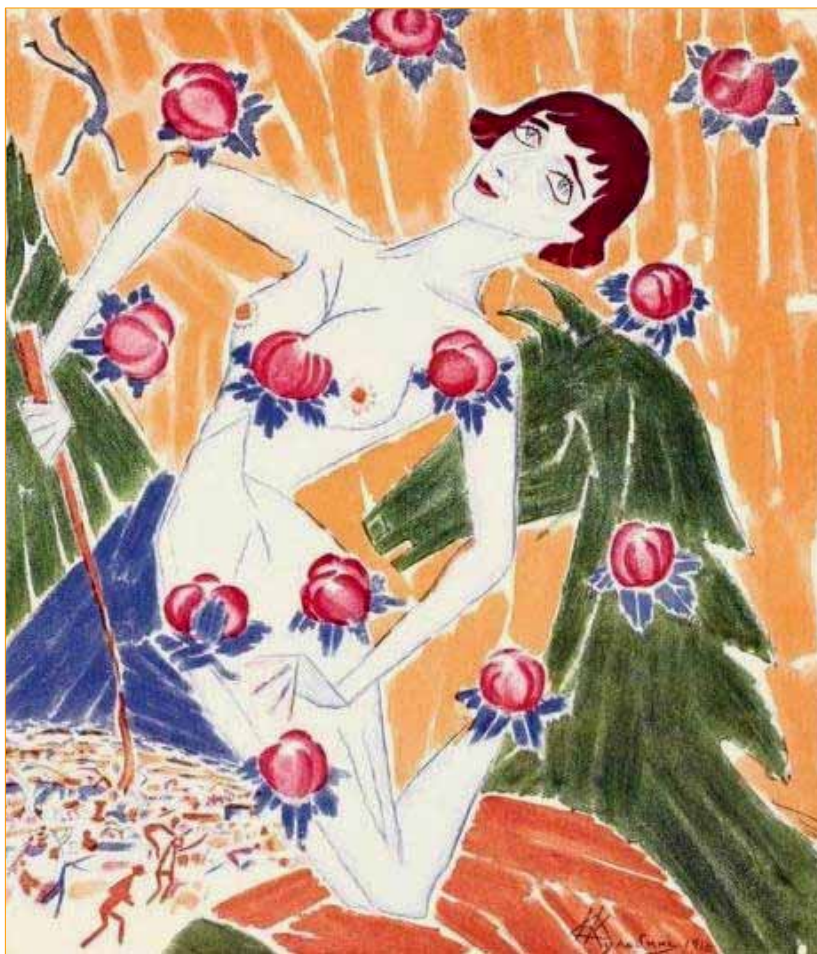
Обложка книги А. Беленсона «Искусственная жизнь»
(Пб., 1921, худ. Ю. Анненков)

*Обложка книги А. Беленсона «Врата тесные»
(Пб., 1922, худ. Ю. Черкесов)*

Н. Кульбин. Автопортрет с посвящением А. Белевскому

*Н. Кульбин. Портрет актрисы «Старинного театра»
Ф. А. Глинской*

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Цирк

Лошади выглядят бодрыми,
Попоны — цветными кафтанами,
Наездница движет бедрами
И звуками гортанными.

Стянуты бедра намеренно,
Далекая линия губ ала.
Лорнирует Мэри мерина
В меридиане купола.

Кульбин

Любитель перца и сирени,
Любезный даже с эфиопками.
Поверил: три угла — прозренье,
И марсиан контузит пробками.

Он в трели наряжает стрелы
И в мантии — смешные мании.
Сократ иль юнга загорелый
Из неоткрытой Океании?

И памятуя, что гонимый
Легко минует преисподнюю,
Плакатно-титульное имя
Чертит, задора преисполненный.

Когда ж, уединившись с Богом,
Искусству гениев не сватает,
Он просит вкрадчиво и строго
Известности, а также святости.

Московские стихи

Посв. Ф. А. Б.

Оставив скучный Петроград,
Бегу, — конечно не в Антверпен,
Ведь я не жду иных наград,
Когда не скажет милый взгляд:
«Источник нежности исчерпан».

Пусть я — чужой колоколам,
— Кузнецкому не нужен мосту,
Но может быть я нужен вам,
Но сердце рвется пополам
Так убедительно и просто!

В купе томясь не час, не два,
Усну пустой и посторонний,
Как вдруг услышу я: «Москва»,
И растеряю все слова,
Лишь вас увижу на перроне.

Голубые панталоны

О, голубые панталоны
Со столькими оборками!
Уста кокотки удивленной,
Казавшиеся горькими!

Вонзилась роза, нежно жала
Уступчивость уступчивой,
И кружева не помешали
Настойчивости влюбчивой.

Дразнили голым, голубея,
Неслись, играя, к раю мы...
Небес небывших Ниобея,
Вы мной воспоминаемы.

О. Розанова.

Голубья панталонка.

Каждодневное

Не птицей вольной я лечу,
Но, брошенный, я камнем падаю,
И мы вдвоем, лицом к лицу,
Вневременные мчимся в Падую, —

Иль, может быть, в иной Аид,
Географами не отмеченный,
Где сложат груз слепых обид
Все неудачные, увечные.

Несусь с тобой, с тобой вдвоем,
Огнем двойным сжигаем разом я,
И вижу на челе твоём
Улыбку скорбную со спазмою.

Ты молишь, чтоб господь хранил
Мое безумье каждодневное,
И для меня ты просишь сил,
А для себя прическу Евину.

От скуки смертной спасено
Все опрокинутое на землю.
Один кто стал бы пить вино
И доверять хмельным фантазиям?

Недостоверное

Суровы, как Страстная пятница.
Благие чувства в душу прибыли.
От них не спрятаться, не спятиться.
Ни удовольствия, ни прибыли.

Без экзегетики евангелий
И лжепифагорейской ветоши
Премудрость, оплотившись в ангеле,
Разбила душу мне на две души.

Вот эта — брошена соблазнами,
В ней клики с клироса и клирики;
А той подай роман с Фоблазами
И весь комплект блудливой лирики.

Сия раздвоенная неженка
Томится, как за чтеньем Зиммеля,
Не замечая, что невежливо
Ее давно в сторонку вывели.

Облака над святилищем

Мы все в одну стучимся дверь,
Один сильней, другой слабей.
О милый друг, поверь, поверь:
Без веры смерть грозит тебе.

Никто не знает наперед,
Проснется ль завтра снова он,
Но каждый день и каждый год
Над нами тот же небосклон.

Скрывают те же облака
Святилище от наших глаз.
О милый друг, спеши, пока
Еще не бьет последний час...

Ответ Анне Ахматовой

Суров сей век и тягостен без меры
Век не последних битв и не бесплодных ран
Мы бродим в городах, покинутых без веры
А в пустоте небес кружит аэроплан.

Обречены незнанию и неволе,
В чаду названий мы забыли имена
И странно ли, что солнце не восходит боле
В такие времена!

Но дни прейдут, закону следуя земному
И может быть, поэт в непонятых стихах
Расскажет по-иному
О веке, ставшем притчею в веках.

Да, много язв на нас, но всех других чернее
Та, что скрывает свет из века в век.
Мы все равны, уже рождаясь с нею
И сам себе целитель каждый человек.

1922

Свет на пути

Посвящается Ф. Ф. Кнорре

Плывет, плывет, не видя края,
Раскрепощенная душа
И тонет, радостно сгорая.
О, юность вечная вторая!
О, голубое солнце рая,
Тебя вдыхаю, не дыша!

Блаженный миг, какое лето
Весеннее цветет в груди!
Как руки благостно воздеты!
Но, спутник верный, где ты? где ты?
Лишь отступающего света
Сиянье вижу впереди.

29 декабря – 8 января 1922

Как жалкий прах, как скорбный тлен
Все отпадет, все распадется,
И человек, презревши плен,
В обитель отчую вернется.
Но в мире слез и душных стен,
Который злом запечатлен,
Здесь смертью сей возврат зовется.

Так мы подчас зовем тоской
Слепую горечь отщепенства —
Неясный образ жизни той
Неповторимого блаженства.
Так образ чистый совершенства,
Представший страннице земной —
Душе, поэт зовет мечтой.

Воспоминания

Вот бремя — память для меня!
Хочу, забыв о памяти,
Молчать, когда средь бела дня
Припоминать вы станете.

И пусть нелепая кровать,
Пусть стул один лишь в комнате,
Но чтоб никто не смел сказать:
«Ну потрудитесь, вспомните».

Я вспомню все, припомню сам,
Но не теперь, а вечером.
Не здесь, не здесь, а только там,
За кажущимся глетчером.

К ***

Не говорите, что с годами
Вы лишь усталость обрели.
Дитя рожденной вновь земли,
Не вспоминайте об Адаме!
Когда-то милые черты
Не стали ль мне еще милее?
К чему ж, о прошлом сожалея,
Страшишься будущего ты?
Душе неопытной земной
Тяжка и призрачность утраты,
Но разве менее богаты
Мы, приобщась любви иной!
Пока с улыбкою живой
Моим ответствуешь лобзаньям,
Пока дневным дышу дыханьем,
Как некогда, теперь я — твой.
Не говори, что обрела
С годами ты одну усталость:
Любовь, такая ль это малость
Чтоб ею ты пренебрегла?

Он подошел ко мне учтиво
С лицом, серьезным ненамеренно,
С улыбкой тонкой на губах.
Сказавши: «будьте терпеливы,
Не всем дано судить уверенно
О чуждых разуму вещах,
Но на земле, как в небесах.
Душа не может быть потеряна».

Сквозь приотворенные ставни
Весна дышала ароматами,
Виднелся звездный небосклон.
В раздумий следил наставник
За неподвижными вожатыми...
«Познайте, друг мой, — молвил он, —
Как прост любви благой закон,
Единый, сущий в каждом атоме».

Ницше — Шпенглер — Федоров

Как прогоняемый сквозь строй
Метафизических фрагментов
И посвященный Заратустрой
Непонятый, но дельный ментор!

Всечеловеческая боль
Пронизывает тонкий скепсис,
А дух, блуждающий в неволе
Волит любить, незримо теплясь.

Байреит и Альпы и Пиррон
И вечный круг миров за ними,
Но всех обиженных не тронет
Он, возвращающийся мимо.

— Закат Европ! Европ закат!..
Всерадио разносит зычно.
Да, Ницше знал пути возврата,
— Последний эллин и язычник!

Релятивизм пустых шеренг
В победоносных прусских касках.
Сумбурный предзакатный Шпенглер,
Распоряжающийся наспех.

Вовеки не святой Руси-ль
Неподражаемо смиренье?
Не там ли первое усилие
Для дела братства — воскрешенья?

Не надо слугам Феба крыл
Вожди-политики виновней
С тех пор, как Федоров открыл
Цель христианства, долг сыновний!

Март-Апрель 1922

Пейзаж во всероссийском масштабе

[Из романа «Джиадэ»]

Подъяв росистые глаза,
Она не видит ни аза.
Плечами, бедная, поводит,
Срамясь при всем честном народе.

Но полно: он соборно спит,
Так бледен цвет ее ланит.
Да, этот цвет чрезмерно матов.
Не он — эмблема наркомагов.

Он усыпил бы даже рысь,
А может быть, уводит ввысь...

«Бесстыдница, к чему уловка!» —
Кричит осипшая золовка.
И, желчно бровь перекосив,
С упругих плеч сдирает лиф.

Уже грозит знакомство с плеткой
Нагому телу дамы кроткой,
Но комендант как раз поспел:
«Позвольте, плод еще не спел.

Плоды ничьи, а все ничейки —
Мои с согласия ячейки».
И, молвив, в рощу поволок
Красотку, словно узелок.

Изнемогая, без протеста
Попала вдруг она в невесты.
Так в изоляционный пункт
Попали все, кто поднял бунт.

ЕГИПЕТСКАЯ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА

(Опыт гностического повествования)

Яков Бауман был молодой еще человек лет тридцати трех и, казалось, без определенных занятий. Был он блондин роста среднего, худощавый и задумчивый. Глаза его подчас имели выражение весьма мечтательное, хотя склонностью к мечтательности владелец их как будто не отличался.

Пожалуй, здесь уже приличествовало бы пояснить, чем замечателен человек, выбранный мною в герои повествования, но, право, я затрудняюсь сделать это, ибо при некоторых несомненных своих достоинствах Яков Бауман все же ничем решительно замечателен не был. Что же касается его жизни, то жизнь, проходящую день за днем, без шума и неожиданных приключений, в хорошем литературном обществе принято считать неинтересной. Такой-то и была к огорчению моему жизнь занимающего меня лица: в ней совершенно, и даже с известной преднамеренностью, отсутствовали события, и не то, чтоб какие особенные, а просто всяческие, такие, что обычно приключаются чуть ли не на каждом шагу с большинством людей.

Но, не согласитесь ли вы, что человек, обойденный судьбою в отношении событий, тем самым уже выделяется из ряда прочих, более удачливых, по справедливости приобретаая основание ожидать, если не сочувствия, то хотя бы внимания к нему читателей?

Герой, пусть в кавычках, моего повествования, которое не из подражания своеобразной моде названо гностическим, всегда испытывал особенное пристрастие к философским занятиям. Между прочим мне доподлинно известно, что он серьезно задумал написать небольшой трактат, размером в несколько десятков строк, посвященный выяснению истинного значения Канта для тайноведения или, вернее, для окончательного просвещения языческих философов, которым системой Кантовой, лишь развившей забытое учение Апостола Павла, неоспоримо должно бы быть доказано, что без откровения невозможно иметь познания ни о Боге, ни о душе и что умный мир совсем неприступен для естественного разума, ибо Бог обитает в таком свете, куда никакое умозрение проникнуть не может.

Впрочем, в далекой юности прочел он изрядное количество романов рыцарских и иных, оставивших на нем легкий след. И теперь, в зрелом по годам возрасте, обозревая иногда свою жизнь, он невольно ловил себя на чувстве тайной неудовлетворенности и насмешливого недоумения, сопровождавшем воспоминание о прочитанных некогда сочинениях, в которых знатные красавицы так охотно и быстро влюблялись в одиноких бедных юношей, и вообще провидение неизменно заботилось лишь о том, чтоб на долю юношей выпадало возможно больше удивительнейших и в конце концов приятнейших галантных приключений.

Конечно, прожив и продумав достаточно для того, чтоб успеть познать тщету и горечь всех радостей, со-

блзняющих здесь человека, еще не сотворившего себя духовным, он, если б и умел мечтать, то уж наверное теперь предметом мечтаний его были бы не подобные приключения, а иные явление, странные, даже сверхъестественные, возможность которых однако вполне подтверждалась не только верой его, но и разумом, изощренным гностическими рассуждениями мистиков. Но, по-видимому, не умел он, да и не любил мечтать, и, если подчас ничем более важным не был занят, то всего охотнее пребывал в созерцательной и совершенной праздности, которую сам определял при случае, как сосредоточенное бездумие.

Однажды неосторожно он увлекся прелестным созданием, незаметно ставшим его невестой, но в самый торжественный момент испугался того, что могло произойти, и неожиданно исчез. Но кто из нас порой не бывает подвержен увлечениям, и какое же это, если мыслить строго, событие!

Во всяком случае никогда впоследствии Яков Бауман не проявлял раскаяния в том, что по собственной вине остался лишенным нежной спутницы, и сожалел, как ни странно, о том лишь, что имя покинутой невесты не было «Наина» — имя особенно им любимое.

Он сохранил единственный подарок своей невесты — старинный золотой перстень, на котором арабскими буквами вырезаны были имена. Он показывал его сведущим лицам, даже ученым востоковедам, но одни читали арабские знаки так: «Бог есть. Есть Бог», другие: «Бог мой — любовь», а иные так вовсе отказывались объяснить значение загадочных начертаний, ссылаясь на чрезмерную их древность. Как бы там ни было, Яков Бауман не заботился о составлении себе роскоша и не слишком заинтересовался попавшей как-

то ему снова на глаза визитной карточкой провинциальной гадалки, где значилось:

«Египетская предсказательница прошедшего, настоящего и будущего Н. А. Бабкина».

*

Был вечер, просторная комната освещалась свечой. Сидя у топившейся раскрытой печи, он держал в руках книгу — из тех, о которых сказано, что в подобных книгах дело идет вовсе не о том только, что в них буквально написано, а о скрытых силах, которые вели пером автора и которые вливаются в жилы читателя, так что по ним струится новое чувство истины; испытывая правильное действие этих книг, читатель получает, в известном отношении, посвящение рассудка.

Он читал об ангелах, охраняющих человека, и, время от времени отрываясь от книги, глядел на огонь, словно замороженный магией горящих дров, влекомый к привычному таинственному зрелищу. И снова огненные страницы.

— Ангел, мой ангел неотлучно охраняет меня. И сейчас он близко, здесь за мною, незримо бодрствует. Как радостно, легко и вместе как бесконечно страшно от этого сознания: он здесь, всегда здесь, лишь ради меня покинувший неведомые мне обители, но обернусь, и вот нет никого, и я не вижу его. А он видит каждое мое движение, следит малейшую мысль, видит меня лучше, нежели я сам, — мой тихий страж... Лишь он свободен по-настоящему, свободен и от оков, налагаемых временем: время не властно над ним, непрестанно приближающимся к весне своей юности и, чу-

десный, чем старше он становится, тем моложе должен казаться. Умный и знающий ангел!..

Взволнованный, умиленный, Яков Бауман долго не сводил глаз с висевшего над кроватью его молящегося ангела, неповторимо изображенного Филиппино Липпи, потом задумался, опустив голову. Когда он поднял ее, то увидел незнакомца, вошедшего неприметно, но испуга и удивления не ощутил.

Тот глядел сурово, и в то же время неслыханно-нежно прозвучал его голос, когда еле слышно, словно не раскрывая губ, он молвил: «Пойдемте».

Они шли очень быстро, почти бежали, но об усталости не думалось. Вот миновали и городской вал. Как долго шли они, об этом судить было невозможно. Вдруг возле большого, экзотически ярко освещенного дома, вокруг которого не видно было иных строений, незнакомец остановился. Без усилия поднимаясь по высокой, цветами убранной, лестнице, взошли они наверх и очутились в покоях, залитых голубым светом.

Навстречу им медленно поднялась молодая женщина несказанно-прекрасная, не слишком высокая и чрезвычайно бледная. На ней было гладкое черное платье безо всяких украшений.

Сразу обратившись к Якову Бауману, прекрасная госпожа неожиданно простерла к нему обе руки с выражением мольбы и целомудренной покорности. Но он, совершенно потрясенный, испытывал вблизи нее робость такую, о силе которой немислимо составить себе представление. Робость эта увеличивалась в нем с каждым мгновением и вместе с тем все существо его было словно пронизано еще не испытанными доселе чувствами благоговейного восхищения и порывистого воодушевления, лишавшего его одновременно дыхания и рассудка. Он упал на колени и залился слезами. Потом показалось ему, будто мать его, юная и весе-

лая, склонившись над ним, ласково проводит рукой по его воспаленным глазам. Он сделал движение, чтобы поцеловать ее руку, но это не удалось ему.

— Пойдемте, — промолвил тот же, хорошо знакомый голос. Они перешли в полутемную залу, где за круглым столом, покрытым тяжелой, скажем, византийской парчой, на котором лежало распятие, сидели пятеро мужчин бритые и во фраках. Перед каждым зажжена была свеча. Когда они входили в залу, сидевшие там молча привстали и снова сели по знаку незнакомца.

Яков Бауман хотел было спросить, что делают здесь за круглым столом и зачем распятие, когда взор его привлечен был висевшим в углублении залы зеркалом странной формы, ровно ничего не отражавшим. Только что собрался он промолвить: «Где я?» как один из пяти подошел к нему и, взяв за руку, подвел к окну. Взглянув в окно, он у подъезда увидел крошечную черную каретку с золотым гербом, запряженную четверкой породистых лошадей.

— Спешите, — сказал внятно подошедший и, повторив еще дважды это же слово на незнакомом языке, вернулся к своему месту. — «Странно, что в целом доме не видно слуг, а между тем нигде в комнатах и даже на зеркале не заметно пыли, — подумал Яков Бауман, — ни одной пылинки!»

И вот снова они вдвоем куда-то спешат в темноте. — Вы не покинете меня больше? — спросил Яков Бауман дрожащим от волнения голосом. — Я с вами, — ответил незнакомец, но, сказавши, тотчас отошел, и прежде, чем можно было понять сокровенный смысл произнесенных им слов, он исчез; и Яков Бауман, почувствовавший сразу смертельную усталость, но и небывалую до того ясность мысли, ощущение которой доставляло ему острую радость, — остался один.

Он не помнил, как отыскал в темноте дорогу и вернулся домой. Кто-то очевидно хозяйничал без него в комнате, которую он, выходя из дому, не успел запереть на ключ: дрова продолжали гореть в раскрытой печке. Усевшись на том же кресле, он крепко уснул, и приснилось ему, будто он припоминает сон, недавно виденный. Он шел в сопровождении друга и любимой своей собачки, черной Находки, по тянувшейся бесконечно вдаль дороге, усаженной высокими розовыми кустами. Они курили и тихо беседовали. О чем, ему никак не удавалось вспомнить, но кажется о Сведенборговых откровениях. Находка также разговаривала с ним и лизала руки, ласково позванивая бубенчиком ошейника.

Так идя, нагнали они каретку с золотым гербом, запряженную четверкой сильных белых лошадей, которых, однако, с трудом, еле-еле тащили за собой каретку. — Что же в ней и кто в ней, что четверем лошадям не справиться? — любопытствовал Яков Бауман и сделал попытку заглянуть в крошечное занавешенное оконце, но друг властно отстранил его, и тут белые кони разом рванулись вперед и во весь дух понесли каретку, из которой необычайно приятный женский голос крикнул: «Спешите».

Яков Бауман был изумлен и огорчен, и ему захотелось поскорей вернуться домой, чтоб вспомнить одно ужасно как нужное имя... Проснулся он, наконец, от резкого стука в дверь. В комнату вошла прислуживавшая ему претолстая, зато добрая, соседка.

— Я раньше никак не могла к вам достучаться, — взволнованно заявила она и торжественно-медленно,

растягивая каждую букву, продолжала: — А к вам недавно приезжала какая-то дама.

— Как ее имя? — нетерпеливо воскликнул Яков Бауман.

— На...

— Наина? — весело перебил он. — Признайтесь же, что она так вам и объявила: «Меня зовут Наина»!

— Наверное сказать по могу. Об имени спросить ее я не догадалась, да, по правде сказать, и не посмела бы,— наивно пробормотала добродушная женщина, вконец переконфузившись. — Но возможно, что вы угадали: такое красивое имя «Наина», мне кажется, удивительно как подходит приезжей даме.

— Не огорчайтесь, вы поступили правильно. Все равно завтра утром мы с вами простимся надолго, — ласково и совсем уж серьезно промолвил он. — Я отправляюсь в далекое странствие и вряд ли скоро вернусь.

— Господин уезжает в Египет ?

— Пожалуй, и еще гораздо ближе...

— Любой факт мистичен, если его не профанировать, — подумал при этом Яков Бауман, и невольно улыбнулся, живо представив себе некоторые взгляды и лица известных литературных критиков.

С.-Петербург 1921
Март — Декабрь

ОБ АВТОРЕ

Александр Эммануилович Беленсон (Бейлинсон) родился в Минске в 1890 г. В 1907-1911 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета, в 1914-1917 гг. был помощником присяжного поверенного в Петербургской судебной палате.

С 1910 выступал в печати (журналы «Сатирикон», «Музы»); в 1913 г. сблизился с Н. Кульбиным и в 1914 г. издал свой первый поэтический сборник «Забавные стишки», посвященный будущей жене – актрисе Ф. А. Глинской (1892-1970). Участвовал в сборниках авангардистов («Весеннее контрагентство муз», 1915). В 1915-1916 г. в качестве редактора и издателя опубликовал два выпуска великолепно составленного и оформленного альманаха «Стрелец», объединившего футуристов и авторов старшего поколения – в основном символистского круга (третий и последний выпуск альманаха вышел в 1922 г.).

После революции публиковал критические статьи о литературной и театральной жизни в газ. «Жизнь искусства», частично собранные в кн. «Искусственная жизнь» (1921). В 1922 г. вышел второй поэтический сборник Беленсона «Врата тесные», в 1924 г. третий – «Безумия», а в 1925 г. – книга «Кино сегодня». В 1928 г. под псевдонимом «А. Лугин» Беленсон опубликовал любопытный роман «Джиадэ, или Трагические похождения индивидуалиста (Роман ни о чем)», позднее запрещенный советской цензурой. В 1930-40-х гг. под этим же псевдонимом приобрел известность как поэт-песенник. Скончался в Москве в 1949 г.

Текст сборника «Забавные стишки» публикуется по первоизданию 1914 г. в новой орфографии. Текст рассказа «Египетская предсказательница» дан по первой публикации («Стрелец», сб. третий, 1922) в новой орфографии, с исправлением некоторых устаревших особенностей пунктуации. В публикации сохранены оригинальные рис. Ю. Анненкова к этому рассказу. На фронтисписе – портрет А. Беленсона раб. Н. Кульбина (из сб. «Врата тесные», 1922). На с. 51 илл. О. Розановой к стих. «Голубые панталоны» («Стрелец», сб. первый, 1915).

Оглавление

Автопортрет	6
ЗАБАВНЫЕ СТИШКИ	
«Мене предугазан забавный путь...»	10
Грум	11
Таити	12
Дуэль	13
«Тонкую шпагу сгибая...»	14
Испанские стишки	15
«Люблю носить камзол атласный, шпагу»	16
Имена	17
Гватемала	18
Эфиопка	19
Гваделупа	20
Оранжевый локон	21
Актриса	22
Дирижабль Нана	23

Лизетта	24
Уже не солдат	25
Вечер	26
У фонтана	27
Прощание	28
«Я сажу за столом и равнодушно спорю...»	29
Улан	30
На вокзале	32
«Спешит неверным шагом к пристани...»	33
Признания	34
Прогулка	35
«Исполнен церемонной грации...»	36
Китайка	37
Танго (Забавная песенка)	38

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Цирк	47
Кульбин	48
Московские стихи	49

Голубые панталоны	50
Каждодневное	52
Недостоверное	53
Облака над святилищем	54
Ответ Анне Ахматовой	55
Свет на пути	55
«Как жалкий прах, как скорбный тлен...»	57
Воспоминания	58
К***	59
«Он подошел ко мне учтиво...»	60
Ницше – Шпенглер – Федоров	61
Пейзаж во всероссийском масштабе	63
Египетская предсказательница	65
И л л ю с т р а ц и и	40
Об авторе	75

Scriptorium

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.